

Современный анархизм, соотношение теории и практики (критический взгляд)

Пётр Рябов

Вот два вопроса для дискуссии и обсуждения: 1) *Хватает ли современной анархической практике необходимой теории?* 2) *Актуальна ли сегодня классическая анархическая теория?* Для краткости и удобства я сформулирую свою позицию в трех тезисах в предельно заостренной и провокативной форме и выскажу небольшие пояснения к ним.

Итак, тезис первый. Катастрофические вызовы современности не то что не получают ответов со стороны анархически мыслящих людей, но чаще всего – просто не рефлектируются ими. Реальность не хочет ничего знать о нас и нашем анархизме, поскольку мы на деле ничего не хотим знать о реальности. (Правда, сразу же замечу, справедливости ради, по ряду причин это касается и почти всех других течений мысли – от либерализма до консерватизма и государственного социализма, ибо связано с общей ситуацией эпохи безвременья, концом модерна, крахом всех Больших Идей, Утопий, Идеологий и само по себе является симптомом цивилизационной катастрофы, – но об этом отдельно, позднее).

В прошлом, в свою героическую эпоху, анархизм был силен своей интегрированностью в культуру, связью как с массами (крестьянами, рабочими, народными религиозными движениями и пр.), так и с искусством, наукой, поэзией, философией, религией. Он был силен и широтой мечты, и фундаментальностью своей укорененности в обществе. Сейчас же катастрофически ощущаются нехватка анархической теории (а не просто «перелицовки» на новый лад старых схем, мифологем, идеологем и лозунгов) и необходимость ее кардинального обновления. Активисты анархо-движения почти полностью пренебрегают теорией, ее изучением, развитием, уходя или: а) в герметическую субкультуру, или б) в безмозглый и бестолковый активизм, или в) в ритуальное повторение старых лозунгов. Поэтому либертарный дискурс почти не присутствует в общественном сознании.

Для большинства анархистов активизм – способ решения каких-то личных психологических проблем (вроде самоутверждения), нечто ритуальное, не включенное

в какую бы то ни было стратегию или оптику общего видения мира. Есть порой проблески индивидуального бунтарства, искры экзистенциального протеста, – но без умения систематически думать, глобально мечтать, выстраивать мировоззрение и стратегию. Есть отдельные либертарные практики – но они слабо осознаются, не последовательны, перемешаны с элементами авторитарного сознания – и оттого обречены на провал. Практика (минимальная) и теория (почти отсутствующая и подменяемая фразеологией и историей) совершенно разрознены между собой и существуют словно в разных мирах. Нет ни рефлексии, ни осмысленности. Наша деятельность, по преимуществу, имеет характер не критический, не отрефлекси- рованный, ситуативный, характер реакции на какие-то злодеяния властей. То есть практика есть, но она имеет жалкий разрозненный характер в полном отрыве от теории.

С теорией дело еще хуже. Если практика есть, но она недостаточна, то теория заменяется заклинаниями столетней давности, историческими экскурсами, красивыми фразами, ритуальными произнесениями ничего не значащих ныне слов. Я хочу сказать пламенные слова в защиту необходимости теории и в защиту необходимости единства теории и практики. Повторяю, сейчас анархисты действительно слабо связаны с культурной, научной, философской жизнью, очень слабо осмысливают окружающий нас мир. Слабо развита любознательность, умение думать своей головой (а не заученными клиповыми клише), мало кто знает наслаждение чистой и бескорыстной «теорией» (что, по-гречески, значит – « созерцание»). И это – одна из главных причин наших проблем. Для большинства анархистов характерны либо самодовольная субкультурность, либо замыкание в ситуативный активизм, часто разрозненный и малоосмысленный. Теорию заменила фраза или история.

Так получилось изначально. Мы знаем, что в России анархическое движение времен Перестройки начинали, в основном, историки. И это логично: надо было доказать, что мы не верблюды, что Бакунин был прав в споре с Марксом, что Махно не был бандитом и т. д. Но уже двадцать лет прошло. Где сейчас анархические писатели, поэты, художники, драматурги, философы, экономисты, антропологи, социологи, историки? Ну, историки есть, а все остальные – культурологи, экологи... С этим делом очень плохо. Да, есть какие-то разрозненные практики, отдельные бунтарские порывы, попытки самоорганизации, но хочу отметить, подытоживая свой первый глобальный тезис, почти полное отсутствие интереса у либертарно мыслящих людей к мировоззренческой и философской проблематике, к теоретическим вопросам, полный отрыв теории и практики друг от друга при слабой практике и почти полном отсутствии теории.

Приходится с горечью констатировать: сегодня у нас не то что почти нет новых значительных мыслителей-анархистов, теоретиков с большой буквы, которые были бы способны развивать анархическое мировоззрение (на всю Россию я, в лучшем случае, знаю одного такого человека – и это, конечно, не я и не один из присутствующих), но даже и у активистов-практиков (тоже немногочисленных) крайне невелик интерес к этому – словно люди разучились читать, думать, дискутировать. Теория считается чем-то ненужным, избыточным, какой-то роскошью И почти предметом гордости для анархистов считается признание в собственном невежестве и отсутствии продуманных убеждений. То есть (вспоминая известный лозунг) «действовать

локально» мы еще кое-где и кое-как можем, а вот «мыслить глобально» – ну никак! О причинах этого, может быть, выскажутся последующие участники. Может быть, согласятся, может быть, нет.

Но мое выступление носит затравочный характер, оно предельно резкое, чтобы спровоцировать дискуссию. Второй тезис. Конечно, анархизм вечен как стремление людей к самоорганизации, солидарности, свободе, преодолению власти и отчуждения. Пока люди есть люди, все эти вещи вечны. (Мы говорили о киниках, даосах в древности как о первых анархистах и т. д.) Но как только мы переходим к конкретике анархизма – не к этим высоким и вечным идеалам, а как к детищу эпохи модерна, возникшему в конце XIX – в начале XX века, как к «-изму», если угодно, как к некой партийной «идеологии» – то он потерпел крах вместе с эпохой модерна. И держаться за него в прежнем виде – это уходить от реальности, не желать знать того, что происходит в мире, замыкаться в удобной субкультуре, фразе, истории, догме. Это надо прочувствовать, осознать и преодолеть. Я очень люблю Бакунина, с громадным уважением отношусь и к Кропоткину, и к Прудону, но мир очень изменился за это время. Усилия по осмыслению окружающего нас мира, по включению анархизма в широкий контекст культуры совершенно необходимы.

Держаться за анархизм классический – XIX века – делать вид, что ничего не изменилось, это значит уходить от реальности, превращать анархизм в секту, не желать знать, что мир стал совсем иным, замыкаться в субкультурной фразе, историческом экскурсе и так далее, при слабой практике. Повторюсь, необходимо развитие анархистского мировоззрения. Я потому так люблю заниматься творчеством Алексея Борового, что он, один из немногих, пытался превратить анархизм в широкое мировоззрение и ответить на вызовы времени – на крушение модерна, на тоталитаризм, на массовое общество, на развитие новых течений в философии, на новое кризисное сознание XX века. С другой стороны, необходимо наведение мостов анархизма с наукой, философией, религией, искусством. Необходимо осмысливать окружающий мир во всей полноте. Приведу ряд примеров, которые близки мне как философу.

Назову далеко не полный перечень – что под рукой: диалогическую философию Мартина Бубера, экзистенциальное учение о свободе и личности, социологию Франкфуртской школы с ее критикой индустриализма, технологической и сциентистской цивилизации, критику власти в учении Мишеля Фуко – власти на микроуровне, критику общества потребления Жана Бодрийяра, синергетику как учение о самоорганизации, «эпистемологический анархизм» Пола Фейерабенда. Я назвал некоторые имена, которые, боюсь, не всем известны и, что печально, не интегрированы, не включены в современную анархистскую мысль. Это далеко не полный список. Это, в основном, философы, а можно говорить о социологах, экономистах и других. Все это не осознается анархизмом. Попытки обновления анархистской теории, критического подхода единичны. При всем уважении к классикам – к Прудону, Бакунину, Кропоткину – это необходимо: *«Не говори с тоской: их нет! Но с благодарностью: были».*

Когда мы говорим об анархистской мысли, то, к сожалению, в ней преобладает дифференциация над интеграцией. То есть обыкновенно возникает анархизм с приставками – анархо-примитивизм, анархо-экологизм, анархо-феминизм, анархо-биокосмизм, анархо-повстанчество и т.д. На Западе все-таки есть имена. Мы можем

вспомнить Букчина , Горца , Зерзана, Боннано , Блэка , Хомского , еще кого-то. Но, во-первых, это уж не настолько, быть может, великие мыслители, а во-вторых, они разрабатывали какое-то узкое направление. Попыток синтеза не происходит, господствует своего рода специализация и мелкотемье. Но, слава богу, что хоть есть на Западе они, кого мы можем читать. Но и на Западе этого недостаточно, а в России с этим совсем плохо.

И последний, третий по счету, тезис. Я хочу вернуться к тому, с чего начал. Это вопрос о том, насколько классический анархизм годится сегодня? Конечно, есть ряд пророчеств, гениальных идей у Бакунина, Кропоткина, Малатесты и других. Их надо знать, изучать, вдохновляться их смелостью и вольнолюбием. Но надо понимать одну вещь, которая анархистами слабо осознается: мы живем в эпоху конца модерна. Анархизм, каким он был после Французской революции и до начала XX века, — это дитя модерна. Это была эпоха оптимизма, прогресса, слепой веры в науку, финалистские утопии, в анархическом мировоззрении преобладала мысль о конечном идеале. Сейчас мы живем в эпоху безвременья, когда рухнули духовные и идейные основания, которыми жило человечество от Возрождения до XX века. XX век – век катастроф. Мне кажется, это плохо осознается анархистами, чересчур поглощенными историей. Здесь необходимо наведение мостов и строительство их дальше.

Вне широкого контекста нельзя понять анархизм — пока мы говорим только об анархизме, пока мы не говорим о культуре, об обществе, о том, что происходит вокруг. Рухнул модерн, рухнула эпоха идеологий, партий, веры в прогресс, веры в науку, в технологии, в индустриализм, веры в то, что анархизм – это некая точка прибытия, финалистская утопия. Анархизм был частью великого потока мысли XIX века, некоторые квазирелигиозные основания которого были не отрефлексированы. Сейчас все это рухнуло. Рухнул этот социокультурный контекст. И делать вид, что всего этого нет, что мы живем не в эпоху безвременья и постмодернизма, нельзя. Совершенно необходимо осмысливать новые реалии: хотя бы критику индустриализма, критику технократической цивилизации, размывание классовых реалий, которое происходит.

Невозможно сегодня говорить о классах по Марксу. Может быть, они есть, но в каком смысле? У нас нет даже инструментария для осмысления этого явления. Так возможно ли апеллировать к старой почтенной пролетаристской риторике? Правильно ли рисовать прежние карикатуры на буржуев в котелках и бездумно скандировать (как часто бывает) на демонстрациях: «Вперед, вперед, рабочий класс!»?

На мой взгляд, пусть моя мысль не всем будет близка, необходимо отказаться от финалистского представления об анархизме как некой точке прибытия, необходимо развивать анархизм в сторону мировоззренческого интегрированного синтеза различных либертарных освободительных идей, ценностей, критик и практик. (Цитируя – за неимением сегодня теоретиков – самого себя: «Анархизм – вечен, анархия – невозможна!») Нужна не дифференциация, а интеграция. Не отдельные анархо-феминизм , анархо-экологизм, анархо-примитивизм и пр. Мы разные, но нужно искать точки общности. Это очень важно. Нужен синтез, а не только дифференциация.

Анархизм – изначально романтичен. Это учение мечтателей, учение пафосное. Бакунин был пафосный человек. Сегодня слово «пафос» звучит дискредитированно. Но давайте вспомним, что пафос, «патхе» по-гречески, – страсть, страстность. То есть умение мечтать, умение порывать с настоящим. Сейчас этот романтический пафос анархизма, умение реабилитировать утопию, утрачен, его нужно возвращать. Старый, классический анархизм мог подпитываться пафосом, смыслами, энергией от того общего движения модерна, частью которого он был – от великого движения с его религиозной верой в прогресс, с верой в неизбежно хороший финал той сказки, которая зовется человеческой историей, с верой в науку и разум. Сейчас романтический пафос анархизма нуждается в новых религиозных основаниях, ибо он гаснет среди бескрылого прагматичного цинизма, всеобщего гнусного антиутопизма и постмодернистской усталости и безверия. А без романтического пафоса и радикальной мечты анархизм умирает, вырождается в схему, фразу, идеологию. Обывателя он не привлечет (ибо ничего не сулит ему, кроме риска, осмысленности и полноты жизни), а герои давно вымерли в нашем мире. Оттого-то анархическое движение сегодня высыхает, как река, лишившаяся родников. И, говоря языком ситуационистов, мы должны снова стать такими же радикальными, как сама действительность (апокалипсическая).

Осознание того, что происходит с обществом, когда индустриальная цивилизация переживает закат, не говоря уже о доиндустриальной, необходимо анархистам, как и всем, кто пытается что-то понять о нашем мире. Вот это осознание тотального и окончательного крушения модерна – делает невозможными попытки просто «косметического ремонта» классического анархизма (ибо во многом рухнуло и то общество, и та культура, и тот человек, к которым он апеллировал; скажем, в России самодержавие, крепостничество и мещанство, кое-как модифицировавшись, дожили до наших дней, но нет ни общины, ни интеллигенции, ни всего того, из чего рос наш старый анархизм).

Акцент на персоналистическую составляющую анархизма. Это недоразумение, которое долго раздирало анархистов, хотя уже сто лет назад предпринималась попытка его преодолеть, – традиционное школьное деление на коммунистов и индивидуалистов, когда одни говорят только об обществе, а другие – только о личности. Как мы знаем, еще сто лет назад Эмма Гольдман, «набатовцы» и другие пытались соединить эти идеи. Почему обязательно противопоставлять личность и общество? Мне кажется, что особенно становится важной экзистенциальная личностная составляющая анархизма в ситуации крушения социальности, но, разумеется, не в ущерб социальности. Социальность нужно создавать с нуля – вот в чем дело. И точкой отсчета является именно личность.

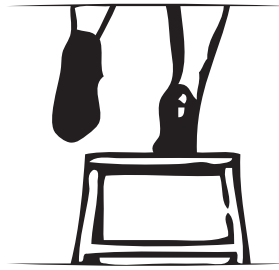
Анархизм как широкое мировоззрение, апеллирует к личности, но личности объединяются и создают новое общество. Вот, мне кажется, слабая попытка представить себе, каким может быть современный анархизм – очень далеко уходящий и от Бакунина, и от Кропоткина. То есть интеграция двух сторон анархизма – коммунистической и индивидуалистической. Штирнер во многом был не понят, утрирован, во многом эпатирующий. Пришло время преодолеть эти противоречия, преодолеть убежденность в том, что это взаимоисключающие вещи: индивидуалист – это непременно буржуазный богемный человек, которому наплевать на всех, а коммунист – человек,

мечтающий о казарменном обществе. Понятно, что и то, и другое по сути анархизму чуждо. И Штирнер не хотел абсолютной войны всех против всех, и Кропоткин не хотел казарменного уклада. Так тем более, мы, спустя сто лет, должны это понять и развивать и ту, и другую стороны анархистской мысли, преодолеть недоразумения и противоречия, которые были раньше.

Вот некоторые реалии – культурные, социальные, без осознания которых теория анархизма не может развиваться. И, прежде всего, само осознание необходимости теории. Для нас слово «теория» звучит презрительно, как некий привесок к идеологии. Необходимы преодоление идеологизма, партийности анархизма, связь его с широким культурным контекстом, смелость и радикализм мысли. Не бояться и стремиться осмыслить то, что происходит. Попытаться преодолеть субкультурное гетто и эту зависимость от бездумного активизма. Анархизм как мировоззрение, анархизм, отказывающийся от финалистской утопии. Осмысленность, рефлексия, синтез разных философских и культурных традиций. Акцент на экзистенциальной персоналистической составляющей.

Осознание реалий современности, которых не было во времена Бакунина и Кропоткина, – например, экологического кризиса. Но также осознание постмодерной ситуации в культуре, «экзистенциального вакуума» (говоря словами Виктора Франкла), тотальной атомизации, крушения социальности. Все это требует не перелицовки фасада, не легкой переделки старых учений столетней давности, а совершенно нового анархизма, которого нет, к сожалению. И как бы мы ни любили Прудона, Бакунина, Толстого, Кропоткина, почти все в теории и философии анархизма нам предстоит создавать заново.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Пётр Рябов

Современный анархизм, соотношение теории и практики (критический взгляд)

Скопировано 2019-08-07 с <http://akrateia.info/sovremennyi-anarkhizm-sootnoshenie-teorii-i-praktiki-kriticheskii-vzgliad/>

ru.theanarchistlibrary.org